

Глава 1

Когда Лу Ян закончил грузить две доски с тофу, небо еще даже не начало светлеть.

Он зажег во дворе тусклый белый фонарь и, при его слабом свете, набрал охапку сена, добавил туда теплой соевой гущи и покормил своего старого товарища — мула по кличке «Цзюэ Люй».

Цзюэ Люй очень к нему тянулся. Стоило Лу Яну подойти, как большая голова мула тут же потянулась вперед. Лу Ян быстро выставил руку и придержал его голову, уворачиваясь от влажного прикосновения огромного языка.

Когда мул принялся за еду, он вернулся на кухню.

Лу Ян встал спозаранку, чтобы замесить тесто, и сейчас оно уже подошло. Вымыв руки, он принялся вымешивать его и лепить маньтоу.

Маньтоу были из белой муки. Еще несколько лет назад их семья могла себе такое позволить, но потом дела пошли все хуже и хуже, пока им, вконец разорившимся, не пришлось с позором вернуться из уезда в родную деревню.

Старина Чэнь, его отец, был человеком гордым и не желал признавать своего падения. Он всем говорил, что просто состарился и затосковал по дому. К тому же, Лу Ян как раз достиг брачного возраста, что стало еще одним удобным предлогом: мол, уездные жители слишком хитры и изворотливы, а он хочет найти для своего гээр-сына честного и порядочного зятя из деревни.

Отец Лу Яна, по фамилии Чэнь, принадлежал к одной из самых зажиточных семей в Чэньцзявань. Не желая признавать разорение и пользуясь тем, что пришло время сватать сына, он выложил половину оставшихся сбережений, чтобы Лу Ян мог обеспечить дом обильной едой и питьем.

Каждый день они ели маньтоу из белой муки и рис, по дому постоянно витал аромат мяса, а время от времени варился наваристый суп. Вся деревня слюнки пускала от зависти. Гостей в доме было не счесть, и как только люди прознали, что Старина Чэнь ищет зятя для Лу Яна, многие семьи загорелись этой идеей. Сваты чуть ли не выломали им порог.

Требование у Старины Чэня к зятю было одно — деньги.

А если добавить еще одно условие, то — умение их зарабатывать.

Старина Чэнь рассчитывал с помощью этих денег возродить свое дело, а также надеялся, что будущий зять станет для их семьи постоянной опорой и своего рода кошельком.

Одураченные показным богатством, семьи женихов предлагали щедрые выкупы. Самое большое предложение поступило от охотника из деревни Ли — он был готов дать целых двадцать лянов серебра!

«Вот же болван. Он что, в жизни гээр не видел, раз готов выложить такие деньги? Да с таким выкупом он может найти себе какого угодно супруга!»

Лу Ян тихо выругался и с силой швырнул тесто на доску, после чего накрыл его плетеной бамбуковой корзинкой.

Маньтоу он приготовил всего четыре, остальное тесто нужно было приберечь. Когда рассветет и в дом придут гости, можно будет и дальше разыгрывать этот спектакль перед дураками.

Но как бы он ни злился, работу делать было надо.

Пока подходило тесто, в котле варилась каша. Сейчас она уже была готова. Он перелил ее в глиняный горшок, снова налил в котел воды, поставил пароварку с маньтоу, обложив их по кругу ломтиками батата, а в центр поместил миску с вяленой свининой. Накрыв крышкой и подбросив в топку полено, он быстро вычерпал горячую воду из бака у печи, налил свежей и поставил на него горшок с кашей, чтобы она оставалась теплой.

Кукурузные лепешки с дикими овощами, которые до этого грелись на баке, он временно переложил к самому краю топки.

Вычерпанную горячую воду он разбавил двумя ковшами холодной, проверил температуру и понес таз в восточную комнату, чтобы помочь родителям встать.

Старина Чэнь всегда умывался первым — таков был его статус главы семьи.

Опустив руки в таз с теплой водой, он расслабленно вздохнул и с улыбкой сказал Лу Яну:

— Этот Ли — парень что надо, и семья у него без лишних ртов. Этот брак тебя не унизит. В будущем помни мою доброту и не будь неблагодарным волчонком. Почаще помогай дому.

Охотника по фамилии Ли звали Ли Фэн, и было ему двадцать три года. В таком возрасте это считалось уже поздним браком, но он был человеком основательным: сначала наладил быт в своей семье, и только потом начал искать себе супруга.

Семья Ли состояла из овдовевшей матери, которая одна вырастила троих сыновей. Средний брат женился два года назад, опередив старшего, а младший был гээр и еще не сосватан.

Матушка Ли была родом из Чэньцзявань. Услышав новости от родни, она тут же примчалась.

Это была бойкая и острая на язык женщина. К тому же сам Ли Фэн был высоким и крепким, с властным и непререкаемым характером, что очень не понравилось Лу Яну.

В день смотрин, во время их разговора, Лу Ян попытался прощупать почву, кто в будущем будет главным в доме. Это словно ткнуло Ли в самое больное место. Он вспылал и, громогласно заявив, что скорее откажется от брака, чем позволит унижать себя, отрезал: настоящий мужчина не позволит супругу собой помыкать.

Что за чушь собачья!

Не хочешь, чтобы тобой помыкали, так почему бы тебе не остаться холостяком на всю жизнь!

Ли Фэн предложил самый большой выкуп. Сколько ни ищи по окрестным деревням, даже среди богатых семей не нашлось бы никого столь же щедрого. Старина Чэнь, конечно же, бросился его успокаивать, а потом задал Лу Яну хорошую трепку и в наказание оставил на целый день без еды.

Лу Ян был в ярости! И этот брак стал ему еще более ненавистен.

Но его неприязнь ничего не значила. Старина Чэнь был полон решимости заполучить этот выкуп.

Он хотел возродить свою мастерскую, вернуться к старому ремеслу. Ради этого Старина Чэнь был готов продать родного сына.

И это был еще лучший из исходов.

Лу Ян покорно кивал, незаметно переводя разговор:

— Тофу я уже погрузил в повозку. Отец, ты сегодня поедешь со мной на ярмарку?

— Да, — вздохнул Старина Чэнь. — Нужно посмотреть, что там на рынке.

Сватовство уже состоялось, и теперь нужно было поддерживать видимость достатка, чтобы и дальше обманывать семью Ли. Его присутствие дома было необязательно. Но, вытерев лицо, он все же сказал своей жене, которая умывалась оставшейся после него водой:

— Ты присмотри за младшим вместе со старшим, не давай ему натворить дел.

Жена Старины Чэня, по фамилии Лу, наконец-то получила возможность вставить слово. Кивнув, она тут же обратилась к Лу Яну с вопросами по хозяйству:

— Вся работу сделал?

Лу Ян был не дурак, чтобы все заканчивать.

У него скоро будет «богатый зять», чего ему бояться?

— Сегодня утром я торопился погрузить тофу, — сказал он. — В потемках было плохо видно, я боялся его повредить, поэтому работал медленнее...

Госпожа Лу сверкнула на него глазами, но Старина Чэнь заступился:

— Ладно, ладно, нам пора выезжать. Ты уж тут присмотри за домом. Разбуди тех двоих, пусть тоже пошевелиются. Сейчас в доме суматоха, пусть и они себя хорошо покажут, может, и им жену или супруга найдем.

Внимание госпожи Лу тут же переключилось, и она начала тихо ворчать.

Лу Яну не нужно было прислушиваться, чтобы понять: она сокрушается о недавних тратах и винит Старину Чэня, что тот не сказал раньше. А то можно было бы один раз шикануть и сразу три свадьбы справить — вот это была бы настоящая выгода. Она и не думала, что такой состоятельной семье придется как-то выкручиваться, если предложенный выкуп окажется слишком мал.

Отец и сын сели в повозку, запряженную мулом, и с грузом нежного тофу, когда небо только-только начало светлеть, отправились на ярмарку, жуя на ходу по большой, с кулак, кукурузной лепешке с дикими овощами.

Лу Ян жевал лепешку, с трудом проглатывая.

Он думал о том, что в семье охотника, должно быть, не бывает недостатка в мясе. А раз есть мясо, значит, его можно обменять на зерно. Вряд ли им приходится, как семье Чэнь, есть то, от чего потом болит желудок.

Но при мысли о характере Ли Фэна и его матери желудок у него скрутило сильнее, чем от лепешки.

Вот бы можно было расторгнуть эту помолвку.

Едва небо начало светлеть, Лу Лю открыл глаза.

Наощупь он нашел в постели одежду, которую положил с вечера, чтобы согреть, определил, где у нее верх, а где низ, и одним резким движением откинул одеяло, чтобы быстро одеться.

В ноябре температура резко упала.

А к середине месяца, после нескольких дней затяжных дождей, стало еще холоднее.

В этом году Лу Лю сшили новую стеганую куртку из ткани темно-красного, почти бордового цвета. Цвет был темный и старил, но у него было юное лицо, поэтому куртка не выглядела уныло и ярко выделялась на сером фоне их дома.

Как только он вышел, откинув занавеску, его увидел отец, Ван Фэн-нянь, и тут же рассыпался в похвалах:

— Как хорошо сидит, какой ты красивый.

Лу Лю смутился. Услышав беспорядочный куриный гомон со двора, он спросил:

— Отец, ты ловишь кур?

Ван Фэн-нянь встал рано и уже приготовил завтрак. Он велел Лу Лю набрать горячей воды и умыться, а сам поставил на стол горячие пирожки с мясом и овощами и яичную кашу. Только потом, вытерев руки, он ответил:

— Да. Позже пойдем на рынок, продадим их, а на вырученные деньги купим тебе еще что-нибудь в приданое.

Лицо Лу Лю на мгновение застыло, но он ничего не сказал. Взяв чашку с теплой водой, он присел на корточки у порога, чтобы почистить зубы маленькой щеточкой, которую его отец, Лу Эр-бао, смастерил для него из свиной щетины.

Он смотрел на курятник и видел, что в корзине рядом с Лу Эр-бао уже сидело четыре больших жирных курицы. А тот, вытянув руку, ловил остальных прямо у входа в курятник, пока они не выбежали наружу.

Куры забились вглубь, и ловить их было трудно. Отцу пришлось засунуть в курятник руку по самое плечо.

Увидев это, Лу Лю поспешно прополоскал рот и подошел помочь.

Но Лу Эр-бао не позволил ему вмешиваться, боясь, что курица его клюнет.

— Скоро свадьба, нельзя пораниться.

— Всего лишь поймать курицу... — уныло пробормотал Лу Лю.

И тут Лу Эр-бао начал свои причитания.

— Послушай меня, эта помолвка далась нелегко. Ты только вспомни, кто раньше к нам сватался? То вдовцы, то проходимцы, да еще и с детьми на руках, ленивые и драчливые. Пойдешь за такого — всю жизнь будешь мучиться и побои терпеть. А теперь смотри, какой жених нашелся — ученый! И не старый совсем, из родни только овдовевшая мать. Я все разузнал: он парень хороший, и мать у него с добрым нравом. И достаток у них есть, могут спокойно жить на доходы с аренды. Послушайся отца, поешь хорошенько эти дни, поправляйся. Выйдешь за него, поскорее родишь ребенка, и будет у тебя опора на всю жизнь...

Лу Лю эти слова уже осточертели. Оба отца по восемьсот раз на дню твердили ему одно и то же, и от этого у него на душе становилось только тоскливее.

Он не верил, что ему так повезло с женихом, и несколько дней назад тайком отправился в деревню Шансицунь к своему двоюродному брату, Лу Линю.

Лу Линь в прошлом году вышел замуж в Шансицунь, и его муж был из той же деревни, что и ученый. Лу Лю не застал брата дома, зато стал свидетелем любопытной сцены в доме будущего жениха.

Толпы людей, ругаясь и толкаясь, вваливались в дом ученого, требуя то денег, то вещи из дома.

Их слова были полны угроз: не поделишься по-хорошему — не видать тебе свадьбы!

Лу Лю, подавляя страх, долго наблюдал издали, но так и не увидел ни самого ученого, ни его матери, которая бы вышла разобраться с наглецами.

Он понял только, что это были их родственники, и что такое происходило постоянно.

Он остолбенел и, словно ища подтверждения, спросил у проходившего мимо жителя деревни:

— Такое часто случается?

Тот усмехнулся, подошел к воротам дома ученого и смачно сплюнул на землю. Этот жест сказал больше всяких слов: да, это обычное дело.

Лу Лю был в ужасе.

Вернувшись домой, он заявил, что не выйдет замуж, и трижды, целых трижды, в мельчайших подробностях пересказал увиденное! И только по молчанию своих отцов он понял их решение.

Их семья была маленькой — всего трое в крохотной, ветхой лачуге, с шестью му скудной земли.

Земля была неплодородной, участки разбросаны, обрабатывать их было тяжело, а урожай — скудным. С утра до ночи они трудились в поле, и после уплаты налогов оставалось ровно столько, чтобы хватило на семена и прокорм. Продать было нечего.

Лу Эр-бао немного умел кастрировать свиней и в свободное время ходил по деревням в поисках работы. Благодаря своей честности и низким ценам за долгие годы он наработал много клиентов, и теперь за год у него выходило чуть больше одного ляна серебра, что было подспорьем для семьи.

Лу Лю вместе с отцом Ван Фэн-нянем разводил кур. Оба были трудолюбивыми, ловили для них гусениц и копали червей. Куры росли жирными и неслись хорошо.

Казалось бы, их семья давно должна была жить в достатке, ведь кормить нужно было всего три рта. Но они по-прежнему были бедны и терпели унижения.

Потому что его отец состарился, а других братьев, которые могли бы заступиться, у него не было. Выращенных кур постоянно воровали.

Когда они отправлялись на рынок продавать кур или яйца, их всегда заставляли сбивать цену. Даже когда они готовили дома что-то вкусное, соседи с собачьим нюхом тут же являлись со своими мисками.

В детстве Лу Лю еще пытался бунтовать, но сверстники его били и избегали, и постепенно он понял, что их семья — другая.

И это несмотря на то, что фамилия Лу в Луцзятунь была самой распространенной, и у них было много родственников.

Лу Эр-бао настаивал на этой помолвке. Он сказал Лу Лю:

— Я человек простой, сынок, лучшего жениха для тебя найти не смогу. Попадешь в дом к какому-нибудь проходимцу — так и пропадет твоя жизнь. Семья ученого, конечно, тоже не подарок, но у него ведь есть звание! А если он еще и сдаст экзамены на цзюйжэня, то каким бы мягким он ни был, все равно станет господином. У тебя будет хорошая жизнь.

Последние слова Лу Эр-бао произнес с невероятной силой. Он словно делал ставку на будущее, но говорил с такой уверенностью, будто чем сильнее он верит, тем вероятнее это сбудется.

Лу Лю больше ничего не сказал, но в душе все еще надеялся, что помолвку можно будет расторгнуть.

Как бы ни унижали их семью, к ним никогда не вваливалась толпа бесстыжих людей, чтобы грабить и кричать. От одной мысли об этом ему становилось страшно, он совершенно не знал, как себя вести. Последние дни он часто плакал.

А его отцы, привыкшие к покорности, только и твердили, что нужно родить ребенка, и все наладится.

Из-за этого их еда стала лучше: в кашу теперь добавляли яйцо, а сухие лепешки превратились в пирожки. Пусть и не с чистым мясом, а с начинкой из свинины с вермишелью или свинины с капустой.

Все ради того, чтобы он поправился и поскорее забеременел после свадьбы.

Сегодня он должен был пойти с ними на ярмарку, чтобы самому выбрать себе приданое.

Перед выходом Ван Фэн-нянь еще раз напутствовал его:

— Не забудь купить финики и лонган, да еще и коричневого сахара. Не жалея денег, продай всех кур. Весной купим новых цыплят, все вернется.

Лу Лю лишь кивнул. Закинув за спину пустую корзину, он пошел за отцом, который нес клетки с курами. По дороге на рынок он думал: «Буду ли я разводить кур в доме Се? Смогу ли их вырастить? Или как только я принесу цыплят, их тут же отнимут эти родственники, похожие на волков?»

Он искоса посмотрел на клетки и подумал: «Если мне даже кур нельзя будет держать, то зачем я вообще иду в семью Се? Чтобы быть живой несушкой, которая ничего не делает, а только ждет, когда снесет яйцо?»

Что за жизнь.

Вот бы можно было расторгнуть эту помолвку.

<http://bllate.org/book/16991/1580422>